

УДК 94(470+571+520)

Э. Г. Вартаньян

Кубанский государственный университет (Российская Федерация)

**НЕСКОЛЬКО СЮЖЕТОВ ИЗ ИСТОРИИ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ЯПОНИИ И РОССИИ**

Статья посвящена проблеме межкультурной коммуникации вообще, и в частности России и Японии. Автор обращается к отдельным сюжетам, связанным с интересом деятелей японской культуры к России, взаимодействию и взаимопроникновению двух культур, сопоставлению японской и русской литератур, особенно в контексте их активного обращения к природе. Проведенный анализ позволяет заключить, что все культуры, развиваясь по своим собственным законам, в той или иной степени вбирают в себя общечеловеческие ценности, что, видимо, и делает присущие только им художественные образы и понятия доступными для нашего восприятия, хотя на этом пути встречается немало преград и сложностей. Россия всегда была открыта миру, в области культуры она активно взаимодействовала со многими народами и государствами. Отношение к внешнему миру в Японии всегда отличалось двойственностью. Но при этом японцев отличает удивительный интерес к культурам других народов, который способствует взаимному культурному обогащению. На примере приведенных автором данной статьи сюжетов можно сделать вывод о взаимном интересе японцев и русских к культурам друг друга, а также об устойчивости интереса японцев к русской культуре.

Ключевые слова: глобализация, диалог, интеграция, культура, литература, Россия, Япония.

Для цитирования: Вартаньян Э. Г. Несколько сюжетов из истории межкультурной коммуникации Японии и России // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 1 (281) С. 91–96. DOI: 10.52065/2520-6885-2024-281-17.

E. G. Vartanyan

Kuban State University (Russian Federation)

**SEVERAL PICTURES FROM THE HISTORY OF INTERCULTURAL
COMMUNICATION IN JAPAN AND RUSSIA**

The article is devoted to the problem of intercultural communication in general, in particular, Russia and Japan. The author refers to individual subjects related to the interest of Japanese cultural figures in Russia, the interaction and interpenetration of two cultures, the comparison of Japanese and Russian literatures, especially in the context of their active appeal to nature. The analysis allows us to conclude that all cultures, developing according to their own laws, to one degree or another, incorporate universal human values, which, apparently, makes the artistic images and concepts inherent only to them accessible to our perception, although there are many obstacles and difficulties along the way. Russia has always been open to the world, in the field of culture, it actively interacted with many peoples and states. The relationship to the outside world in Japan has always been ambivalent. But at the same time, the Japanese are distinguished by an amazing interest in the cultures of other peoples, which contributes to mutual cultural enrichment. And on the example of the plots cited by the author of this article, we can conclude that the Japanese and Russians are mutually interested in each other's cultures, as well as the stability of the Japanese interest in Russian culture.

Keywords: globalization, dialogue, integration, culture, literature, Russia, Japan.

For citation: Vartanyan E. G. Several pictures from the history of intercultural communication in Japan and Russia. *Proceedings of BSTU, no. 6, History, Philosophy*, 2024, no. 1 (281), pp. 91–96 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2024-281-17.

Введение. В условиях интеграционных процессов в мире необходимо лучше познавать культуру, менталитет, мироощущение других народов для возможности эффективного общения. Сегодня культура стала важной составляющей внешней политики, вызвав к жизни такое понятие, как «культурная дипломатия». Уместно

также говорить о «диалоге культур», под которым нередко подразумевается диалог между Западом и Востоком, поскольку во взаимоотношениях между ними чаще наблюдается несовпадение взглядов по многим вопросам современной жизни. Многочисленные примеры сотрудничества представителей различных западных и

восточных культур говорят о том, что существует нечто, что позволяет человеку в моменты наибольшего напряжения сил преодолевать все различия и препятствия.

Исследователь Е. Кухарева считает, что объединяющим элементом межкультурной коммуникации и диалога культур могут выступать общие и близкие нравственно-этические нормы, выработанные человечеством на протяжении веков. «Именно они, — отмечает она, должны лежать в основе диалога культур и служить одним из источников и одновременно средств сближения народов» [1, с. 63]. И с этим нельзя не согласиться. Близкие нравственно-этические нормы, гуманистическая составляющая взаимодействия должны лежать в основе межкультурной коммуникации и служить важным средством сближения народов. Вместе с тем, всматриваясь в созданное другими народами, люди начинают лучше видеть самих себя, им открывается глубинное единство мира, несмотря на его внешнее многообразие.

Достаточно распространенные представления об особенностях глобализации в сфере культуры всегда предполагали сценарий, основанный, прежде всего, на полной гегемонии американской культуры и постепенной гомогенизации мира. Однако сегодня мир заговорил о мощном японском культурном наступлении — массивном внедрении в другие страны, включая США, продукции японской культурной индустрии — комиксов-манга, анимационных фильмов-аниме, моды, кухни и т. д. Японские исследователи в последние десятилетия стали говорить о мощных культурных потоках из Японии в другие страны, и в первую очередь в страны Азии, что свидетельствует об активном включении страны в общие процессы «культурной глобализации» в качестве одного из главных ее участников. Исследователь Е. Катасонова отмечает, что японское общество, несмотря на огромные успехи на пути глобализации, в области культуры скорее все еще вынашивает идеи о своей определяющей и лидирующей роли в этом процессе, нежели в полной мере реализует их в действительности [2, с. 70, 74].

Концепция японской культурной дипломатии базируется сегодня на идее региональной интеграции. Японский исследователь Коити Ивабути определяет это явление как «культурный регионализм», трактуя его как «своеобразный феномен, в рамках которого представители стран Юго-Восточной Азии стремятся выработать взаимоприемлемые основы для объединения своих национальных культур, подобно тому, как это имеет место на Западе» [3, с. 20].

Статья посвящена проблеме межкультурной коммуникации вообще, в частности России и

Японии. В данной статье автор обращается к отдельным сюжетам, связанным с интересом деятелей японской культуры к России и российской — к Японии, сопоставлению японской и русской литератур, особенно в контексте их активного обращения к природе, взаимодействию и взаимопроникновению двух культур. Хронологические рамки — конец XIX—XX вв. Во второй половине XIX в. в Японии началась эпоха модернизации (Мэйдзи) и расширился интерес японцев к странам Запада и России. В XX в. этот процесс продолжился. Интерес к стране Восходящего Солнца в мире тоже возростал.

Основана статья на таких первоисточниках, как «Неопубликованные дневники» Константина Симонова [4], «Дневник, написанный латиницей» Исикава Такубоку [5], поэзии Огума Хидзо [6, 7], творчестве Исикава Такубоку [5] и др. Поскольку эмпирический материал представлен в основном источниками личного происхождения, то и методологической основой статьи являются принципы объективности и историзма, что очень важно в связи с введением в научный оборот источников личного происхождения. В работе применяются нарративный метод и системный анализ материала, а также цивилизационный подход, поскольку в центре цивилизации стоит человек и изучать прошлое надо в человеческих измерениях.

Основная часть. Обратимся к творчеству одного из известных японских русистов — Хироси Кимура (1925–1992), который открыл для японских читателей мир русской литературы, познакомил их с произведениями А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. Он переводил стихи О. Э. Мандельштама, мемуарную прозу И. Эренбурга, романы и повести А. И. Солженицына. Хироси Кимура является автором многочисленных статей, помогающих японским читателям проникнуть в накопленный столетиями духовный опыт русского народа, глубже понять и полюбить культуру России. Его взгляд на русскую литературу — взгляд человека, любящего, заинтересованного, постоянно ощущающего живую связь с тем, о чем он пишет.

В 1974 г. Хироси Кимура приступил к работе над переводом «Архипелага Гулаг» А. И. Солженицына (кстати, когда он приступил к переводу работы А. И. Солженицына, путь в СССР был ему надолго закрыт). А в 1982 г. Хироси Кимура написал статью «Путешествие с Солженицыным», которая была включена в его книгу «По дорогам русской литературы» [8, с. 66]. В 1988 г. Хироси Кимура вновь смог посетить Москву. Он писал: «Сейчас, в период важных реформ, возникает надежда на то, что русская литература постепенно станет тем, чем она была всегда» [8, с. 66]. Позже он еще трижды приезжал в Россию.

А. И. Солженицын переписывался с Хироси Кимура и приехал в Японию из Вермонта (США) в начале 1980-х гг. Чем был обусловлен интерес А. И. Солженицына к Японии? Александр Исаевич хотел увидеть в Японии места, где сохранились национальные традиции. А. И. Солженицын предполагал, что процветание Японии основывается прежде всего на ее умении хранить свою традиционную культуру. Не удивительно, что в Японии он посетил театры Кабуки, Но, множество синтоистских и буддийских храмов в Киото и Наре. Причем храмовые комплексы интересовали его не только с точки зрения архитектурного облика. Он хотел понять, продолжают ли они и в наши дни быть объектом поклонения японцев [8, с. 68]. В Токио А. И. Солженицын просмотрел около 11 художественных фильмов японских режиссеров. Он говорил о японском кино с большим энтузиазмом: «Я обязательно посмотрю японские фильмы <...>. Еще когда я жил в Советском Союзе, мне много говорили о высоком художественном уровне японского кино, вот мне и захотелось убедиться в этом собственными глазами» [8, с. 68]. Таким образом, можно констатировать, что Александр Исаевич старался посещать в Японии те памятные места, которые были связаны с традиционной культурой, бытом, повседневностью японцев и характеризовали особенности японской культуры и менталитет народа.

Советский писатель Константин Симонов трижды выезжал в Японию. Он видел Токио в развалинах в 1945 г., отстроенный город в 1961 и 1967 г. Писатель описывает свою встречу в Японии с одним из участников постановки на японской сцене «Мистерии Буфф» В. В. Маяковского – композитором и драматургом Хасэгава. Ставил пьесу один из крупнейших прогрессивных театральных режиссеров Японии Корея Сендо. Осуществлена была постановка при помощи Ассоциации трудящихся – любителей театрального искусства Японии. Над спектаклем работали 26 репетиционных дней. Для «Мистерии Буфф» было запланировано около 40 спектаклей. Десять прошло в Токио, 16 – в Осаке, 3 спектакля в Кобэ, 6 – в Киото, 2 – в Иокогаме. Японцы вплели в канву сюжета пьесы вьетнамскую войну, внутренние проблемы страны, т. е., как отмечает К. Симонов, «в японской постановке нашли отражение большие социальные пертурбации и национальные потрясения. Многие связаны с первым периодом после капитуляции Японии» [4, с. 34–35]. Далее К. Симонов вспоминает: «Мне рассказали, что одни из постановщиков “Мистерии Буфф” вступил в конфликт с отцом, последовательным приверженцем школы Но в связи с тем, что занялся современным театром. Это нарушение традиции. Вообще в японском театре очень сильны династические традиции,

когда сын наследует отцу, внук – деду, мастерство передается из поколения в поколение. Там есть целые династии актеров театров Но и Кабуки, и у людей из этих династий уход в другие формы театрального искусства бывает иногда целой проблемой» [4, с. 35]. Эта цитата К. Симонова свидетельствует о бережном отношении японцев к национальной культуре, их стремлении сохранить традиционные ценности и вместе с тем большим интересе японцев к иным культурам.

Природа, которая обладает могущественным воздействием на человека, способна стать реальным местом взаимопонимания между культурами. В этом отношении интересно сопоставить японскую и русскую литературу, ибо при всей своей несхожести им обоим свойственно активное обращение к природе. Формирование эстетического восприятия природы в Японии началось намного раньше, чем в России, еще в эпоху средневековья. Активное осмысление природного окружения в русской литературе и искусстве началось с конца XVIII в. и достигло апогея в XIX в. Именно к этому времени в русской культуре сформировалось национальное чувство природы. Не удивительно, что произведения И. С. Тургенева, с которыми японцы познакомились в конце XIX в., произвели на них огромное впечатление. Японские читатели уловили такие нюансы, которые увидел и оценил не каждый россиянин, – они были поражены тургеневским «листья шептались» (рассказ «Свидание»). Вообще, значение творчества И. С. Тургенева в духовной жизни Японии периода между последними десятилетиями XIX и началом XX в. настолько велико и бесспорно, что позволяет самим японцам утверждать: «Если говорить о влиянии на нас русской литературы, то эпоха Мэйдзи (*последняя треть XIX – начало XX в. – Э. В.*) с полным правом может считаться эпохой Тургенева» [9, с. 88]. Произведения И. С. Тургенева первыми проникли в духовную жизнь японского народа и стали эстетическим мостом, соединившим литературную жизнь России с культурой далекой Японии. Почему? Новизна стиля, острота социальной и нравственной проблематики, но главное – духовная близость, творческая манера, поэтика произведений, которые соответствуют художественному и эстетическому вкусу японцев. Это облегчило восприятие сочинений И. С. Тургенева в Японии и вело к широкому их распространению. Японцы, сравнивая Л. Н. Толстого с И. С. Тургеневым, отмечали: у Л. Н. Толстого – религиозность, европеизм, мужественность, динамичность; у И. С. Тургенева – мудрость, философичность, более восточный склад ума, женственность, созерцательность. Тургеневские произведения отличались скрытой

близостью к внутреннему духу буддизма. У японцев в культуре есть понятие «ёдзё», что подразумевает наличие в художественном произведении намека, недосказанности, тайны (например, новелла Кавабаты «Танцовщица из Идзу», повествующая о рождении первой любви). Это есть и у И. С. Тургенева (повесть «Вешние воды», рассказы «Свидание», «Три встречи»). Другой принцип японской эстетики, имевший отражение в творчестве И. С. Тургенева, – «саби», буквально «печаль одиночества». И, наконец, любование природой – «ваби», получившее блестящее выражение и у японцев, и в творчестве И. С. Тургенева [9, с. 89].

В 1886 г. японцы познакомились с отрывком из романа Л. Н. Толстого «Война и мир», названного по-японски «Плачущие цветы и скорбящие ивы. Последний прах кровавых битв в Северной Европе». Переводчик был воспитан в традиции старой литературы, ему казалось слишком коротким название «Война и мир» для такого «полноводного» романа, поэтому он придумал заглавие в цветистом стиле восточной риторики. С той поры сменилось несколько поколений японских читателей, но не изменился их устойчивый интерес к Л. Н. Толстому, которого японцы называют аналитиком человеческой психики (у него повествование идет не «из головы», а «из сердца»). В анализе психики человека они указывают на его близость к А. М. Стендалю, но видят и разницу между ними: метод Стендаля отличается, по мнению японских критиков, научной бесстрастностью, логикой анализа, Толстой же, напротив, наблюдает окружающий мир теплым сердцем художника. Толстовское поэтическое восприятие мира, его понимание того, что суть вещей духовна, находили живой отклик у японской интеллигенции, разочарованной засильем голого прагматизма в современной жизни. Японцы с восторгом встретили лирический шедевр Л. Н. Толстого – повесть «Казачи», в числе первых произведений писателя переведенную на японский язык [9, с. 89]. Один из крупнейших исследователей Л. Н. Толстого в Японии, романист, драматург, поэт, художник и философ Мусянокодзи Санэацу писал: «Когда мне было еще двадцать лет, я уже преклонялся перед Толстым, и мне не хотелось обращаться к кому-нибудь другому <...> Вместо этого, – думал я, – лучше прочитать хотя бы одну страницу Толстого» [10, с. 411].

Японская литературная статистика показывает, что уже в 1908 г. приходит конец господству английской и французской литератур в Японии. На рубеже XIX–XX вв. они были ориентирами для Японии, вступившей на путь модернизации. Однако уже к началу XX вв. русская литература обогнала их по количеству переводов и по силе воздействия на умы японских читателей.

Смена читательских интересов произошла в тот период, когда новая японская литература оформлялась идейно и эстетически, японские читатели задумывались над смыслом человеческого существования в этом меняющемся мире. Образ России как евразийской державы не сложился в историческом сознании Востока. Для него Россия была европейским соседом. Японских реформаторов эпохи Мэйдзи интересовал прежде всего опыт петровских преобразований. Однако время вносит существенные коррективы в представления о России. Внимательные восточные читатели не могли не заметить самобытности русской литературы и поняли, что ее представления о мире и человеке существенно отличаются от западноевропейских. И это отличие от Запада не вызывало протеста, а напротив, притягивало к себе интеллигенцию Востока. Японцы считали, что в отличие от европейских авторов, которые тяготеют к анализу, создают картину жизни путем скрупулезного анатомирования (О. Бальзак, Жорж Санд), русский роман не ограничивается анализом действительности, он стремится к универсальному повествованию о реальной жизни человека. Но для того, чтобы произведения И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого перешагнули национальные границы и обрели новую жизнь в «чужой» среде, необходим был подвижнический труд целой плеяды талантливых переводчиков – неутомимых посредников между культурами стран и народов.

Несомненно, даже в описании природы в русской и японской литературе существуют различия. Отечественный исследователь Г. Шишкина подчеркивает, что многие русские мастера, например М. Е. Салтыков-Щедрин, утверждали, что человек должен «войти в природу», «одухотворить» ее, японские же художники смотрели на мир как бы изнутри, переводя состояние окружающего мира на язык человеческих чувств:

Посадили деревья в саду,
Тихо-тихо, чтоб их ободрить,
Шепчет осенний дождь
Мацуо Басё (перевод В. Марковой) [11, с. 62].

В русской литературе нередки многословные описания природы, в японской же преобладает лаконизм, камерность в сочетании с эстетическим изяществом. У западных мастеров, даже очень талантливых, в том числе и у русских, художественное пространство произведения заполнено слишком плотно авторскими мыслями и ощущениями.

«Рассказ старого садовника» А. П. Чехова начинается очень по-японски: «В теплое апрельское утро сидеть в саду, слушать птиц и видеть, как вынесенные на свободу цветы нежатся на солнце, чрезвычайно приятно». Теперь сравним с поэтикой Токутоми Рока: «Открываю дверь, луна шестнадцатого дня на верхушке вишни. Небо бледное, подернуто зеленым. Стайки

белых облаков. Те, что поближе к луне, сверкают, как серебро, далекие – мягки как вата» [11, с. 62]. В послесловии к своей книге «Творчество Чехова» японский чеховед Сато Сэйро пишет: «Давно нахожусь под непосредственным впечатлением произведений Чехова и его личности. Для меня он прежде всего близкий человек, а затем уже русский писатель» [12, с. 166].

Еще один сюжет, связанный с интересом японских писателей к России: территориальная близость Японии к Сахалину, полемика в вопросах этногенеза малочисленных сахалинских народов. Особенности их культурных традиций и народных промыслов способствовали росту числа обращений японских писателей к коренному населению российского Дальнего Востока.

Одно из первых упоминаний о коренных народах Сахалина в японской художественной литературе принадлежит Исикаве Такубоку (1885–1912). Поэт неоднократно писал в своих стихах о преклонении перед Россией. Он долгое время надеялся побывать на Сахалине, увидеть собственными глазами то, что дало бы иной поворот его творчеству. Но надеждам Исикава Такубоку не сужено было сбыться. Эту свою мечту он изложил в своем «Дневнике, написанном латиницей» (1909, опубликован в 1948 г.) [5].

Об аборигенах Сахалина упоминает в своей прозе Котаро Самукава (1908–1977) – будущий писатель родился на Хоккайдо, а в 1921 г. вместе с семьей оказался на Сахалине. В 1939 г. он опубликовал повесть «Браконьеры». В ней К. Самукава подводит читателя к тому, что представители той или иной местности являются носителями особых нравов, привычек, внешности. В прозе К. Самукавы представлена реальная жизнь малочисленных сообществ островных аборигенов в первой четверти XX в., рассказано об этнической уникальности сахалинских айнов, их общественном и бытовом укладе, мифологичности сознания [13, с. 67].

Писатель, поэт и художник Хидзо Огума (1901–1940) родился на Хоккайдо. Подобно многим своим современникам, Х. Огума являлся поклонником русской культуры: любил А. С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В. В. Маяковского, С. А. Есенина, писал стихи о России. Обобщенный образ русского народа у поэта наиболее удачно представлен в стихотворении «О Волга-река!»:

О Волга, ты мужества символ,
Ты течешь по великой стране,
Что диктует законы истории.
Как хочу я назвать тебя
Рекой Справедливости, Волга! [6, с. 71].

Тема единства народа и природы, когда стихии отражают мир человеческого существования, продолжается и в «Летящих санях» (1935) – самом объемном произведении Хидзо Огумы. В этой поэме прославляется могучий дух сахалинских айнов, противостоящих силам северной зимы:

Зима рванулась в атаку –
Как будто наотмашь
Ладонью
Ударили по щеке...
На какое-то время растерянно
И природа, и люди застыли...
Бурая кожа земли
За вечер
Покрылась чистейшим снегом [7, с. 77].

Этнографический материал представлен Хидзо Огумой в контексте поэтического описания бытового устройства жизни айнов, которые вступают в борьбу с природной стихией, их порадовавшей и кормящей.

Заключение. Можно констатировать, что все культуры, развиваясь по своим собственным законам, в той или иной степени вбирают в себя общечеловеческие ценности, что, видимо, и делает присутствующие только им художественные образы и понятия доступными для нашего восприятия, хотя на этом пути встречается немало преград и сложностей. Россия всегда была открыта миру, в области культуры она активно взаимодействовала со многими народами и государствами. Отношение к внешнему миру в Японии всегда отличалось двойственностью. Здесь долгие годы традиционно существовало чувство национальной неполноценности по отношению к иностранцам – неазиатам, как следствие многовековой языковой, географической и культурной изоляции страны, ощущение отставания и необходимости иностранных заимствований. И вместе с тем японцев никогда не покидало чувство уникальности и превосходства японской культуры и японского духа над иностранным, особенно по отношению к азиатским соседям. В настоящее время некоторые японские ученые видят альтернативу глобализации, которую в ряде случаев отождествляют с «вестернизацией» японского общества в усиливавшихся тенденциях утверждения национальной идентичности и дифференциации культуры. Но при этом японцев отличает удивительный интерес к культурам других народов, который способствует взаимному культурному обогащению. На примере приведенных автором данной статьи сюжетов можно сделать вывод о взаимном интересе японцев и русских к культурам друг друга, а также об устойчивости интереса японцев к русской культуре.

Список литературы

1. Кухарева Е. Нравственно-этическая основа диалога культур // Азия и Африка сегодня. 2006. № 7. С. 63–66.

2. Катасонова Е. Япония: культурная глобализация или «глокализация»? // *Азия и Африка сегодня*. 2008. № 9. С. 67–74.
3. Iwabuchi Koichi. *Recentring Globalization*. Tokyo: Koichi Iwabuchi, 2002. 275 s.
4. Симонов Константин. Неопубликованные дневники // *Азия и Африка сегодня*. 1990. № 6. С. 33–36.
5. Исикава Такубоку. Дневник, написанный латиницей (пер. с яп. Е. М. Дьяконовой) // *Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации*. Вып. 4. М.: Наука, 1989. 301 с.
6. Огума Хидзо. О Волга-река! // Хидзо Огума, Ёсими Кондо. Из современной японской поэзии. М.: Прогресс, 1971. 223 с.
7. Огума Хидзо. Летящие сани // Хидзо Огума, Ёсими Кондо. Из современной японской поэзии. М.: Прогресс, 1971. 223 с.
8. Хирочи Кимура. Солженицын в Японии // *Азия и Африка сегодня*. 1993. № 4. С. 66–68.
9. Варганыян Э. Г. Интеграционные процессы в культурах стран Запада и Востока. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2013. 160 с.
10. Конрад Н. И. Толстой в Японии // Н. И. Конрад *Запад и Восток*. М.: Наука, 1972. С. 400–414.
11. Шишкина Г. Японская луна в российском небе // *Азия и Африка сегодня*. 1994. № 12. С. 61–62.
12. Рехо К. Чехов в контексте японской художественной традиции // *Взаимодействие культур Востока и Запада*. М.: Наука, 1987. С. 164–177.
13. Иконникова Е. А. Японские писатели XX века об аборигенах Сахалина // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 10. С. 66–69.

References

1. Kukhareva Ye. Moral and ethical basis of the dialogue of cultures. *Asiya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 2006, no. 7, pp. 63–66 (In Russian).
2. Katasonova Ye. Japan: cultural globalization or «glocalization»? *Asiya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 2008, no. 9, pp. 67–74 (In Russian).
3. Iwabuchi Koichi. *Recentring Globalization*. Tokyo, Koichi Iwabuchi Publ., 2002. 275 p. (In Japanese).
4. Simonov Konstantin. Unpublished diaries. *Asiya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 1990, no. 6, pp. 33–36 (In Russian).
5. Ishikawa Takuboku. A diary written in Latin (translated from Japanese by E. M. Dyakonova) *Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii* [East – West. Research. Translations. Publications], issue 4. Moscow, Nauka Publ., 1989. 301 p. (In Russian).
6. Oguma Hizo. O Volga River! *Iz sovremenoy yaponskoy poyezii* [From modern Japanese poetry]. Moscow, Progress Publ., 1971. 223 p. (In Russian).
7. Oguma Hizo. Flying sled. Oguma Hidzo, Kondo Yoshimi. *Iz sovremenoy yaponskoy poyezii* [From modern Japanese poetry]. Moscow, Progress Publ., 1971. 223 p. (In Russian).
8. Hiroshi Kimura. Solzhenitsyn in Japan. *Asiya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 1993, no. 4, pp. 66–68 (In Russian).
9. Vartanyan E. G. *Integratsionnyye protsessy v kulturakh Zapada i Vostoka* [Integration processes in the cultures of the countries of the West and East]. Krasnodar: Kuban. gos. un-t Publ., 2013. 160 p. (In Russian).
10. Konrad N. I. Tolstoy in Japan. Konrad N. I. *Zapad i Vostok* [West and East]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 400–414 (In Russian).
11. Shishkina G.. Japanese moon in the Russian sky. *Asiya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 1994, no. 12, pp. 61–62 (In Russian).
12. Reho K. Chekhov in the context of the Japanese artistic tradition [Interaction of cultures of East and West]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 164–177.
13. Ikonnikova Ye. A. Japanese writers of the twentieth century about the natives of Sakhalin *Asiya in Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 2010, no. 10, pp. 66–69 (In Russian).

Информация об авторе

Варганыян Эгнара Гайковна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений. Кубанский государственный университет (350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, Российская Федерация). E-mail: vartaneg@yandex.ru

Information about the author

Vartanyan Egnara Gaikovna – DSc (History), Professor, Professor the Department of General History and International Relations of the Kuban State University (350040, Krasnodar, Stavropolskaya str., 149, Russian Federation). E-mail: vartaneg@yandex.ru

Поступила 15.09.2023